

Отто фон Бисмарк

Мир
на грани
ВОЙНЫ

Что ждет
Европу
и Россию?

Гиганты политической мысли

Отто фон Бисмарк

Бисмарк Отто фон. Мир на грани войны. Что ждет Россию и Европу

«Алисторус»

УДК 94(430)(092)
ББК ТЗ(4Г)52-8Бисмарк

фон Бисмарк О.

Бисмарк Отто фон. Мир на грани войны. Что ждет Россию и Европу / О. фон Бисмарк — «Алисторус», — (Гиганты политической мысли)

ISBN 978-5-906880-27-7

Отто фон Бисмарк – одна из культовых личностей в мировой истории. «Железный канцлер» Пруссии, он создал Германскую империю (II Рейх) и сумел упрочить ее положение в мире; Бисмарк прекрасно разбирался во внешней политике, хорошо знал состояние европейских государств и России (он долго жил в Петербурге, являясь послом Пруссии в нашей стране). В своей книге Бисмарк рассказывает о том, как создавалась Германская империя, как изменилась после этого политическая карта Европы, какие проблемы встали перед европейскими странами, какую роль сыграла Россия в Европе. Многие предупреждения Бисмарка, в том числе касающиеся грядущих военных конфликтов, полностью сбылись, а его оценки будущего, которое ожидает мир, не потеряли актуальности и в наши дни.

УДК 94(430)(092)
ББК ТЗ(4Г)52-8Бисмарк

ISBN 978-5-906880-27-7

© фон Бисмарк О.
© Алисторус

Содержание

Предисловие	6
Начало моей службы. Дело о приверженцах противоестественных пороков. Бракоразводные процессы. Чиновники и население	15
На поприще дипломатии. Крымская война. Союз с Австрией. План раздела России. «Завещание Петра Великого»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Отто фон Бисмарк
Бисмарк Отто фон. Мир на грани
войны. Что ждет Россию и Европу

Переиздание 2014 г.

© Перевод с немецкого, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Предисловие

Биография Отто фон Бисмарка и основные этапы его деятельности

Отто Эдуард Леопольд Карл-Вильгельм-Фердинанд фон Бисмарк-Шенхаузен родился 1 апреля 1815 года в семье мелкопоместных дворян в Бранденбургской провинции (ныне – земля Саксония-Анхальт). Все поколения семьи Бисмарков служили правителям на мирном и военном поприщах, однако ничем особенным себя не проявляли. Проще говоря, Бисмарки были юнкерами – потомками рыцарей-завоевателей, которые основали поселения на землях к востоку от реки Эльбы. Бисмарки не могли похвастаться обширными землевладениями, богатством или аристократической роскошью, но считались благородными.

С 1822 по 1827 год Отто учился в школе Пламана, в которой делался особый упор на физическое развитие. Но молодой Отто не был этим доволен, о чем часто писал родителям. В возрасте двенадцати лет Отто оставил школу Пламана, но из Берлина не уехал, продолжив свою учебу в гимназии имени Фридриха Великого на Фридрихштрассе, а когда ему исполнилось пятнадцать лет, перешел в гимназию «У Серого монастыря». Отто показал себя средним, не выдающимся учеником. Зато он хорошо изучил французский и немецкий языки, увлекался чтением иностранной литературы. Главные интересы молодого человека лежали в области политики прошлых лет, истории военного и мирного соперничества различных стран. В то время юноша, в отличие от своей матери, был далек от религии.

По окончании гимназии мать определила Отто в университет Георга Августа в Геттингене, который находился в королевстве Ганновер. Предполагалось, что молодой Бисмарк выучит право и в дальнейшем поступит на дипломатическую службу. Однако Бисмарк не был настроен на серьезную учебу и предпочитал ей развлечения с друзьями, которых в Геттингене появилось множество. Отто принимал участие в 27 дуэлях, в одной из которых он был ранен в первый и единственный раз в жизни – от раны на щеке у него остался шрам. В целом Отто фон Бисмарк в ту пору мало чем отличался от «золотой» немецкой молодежи.

Бисмарк не завершил свое образование в Геттингене – жизнь на широкую ногу оказалась обременительной для его кармана, и под угрозой ареста со стороны университетских властей он покинул город. Целый год он числился в Новом столичном университете Берлина, где защитил диссертацию по философии в области политической экономии. На этом его университетское образование закончилось. Естественно, Бисмарк сразу же решил начать карьеру на дипломатическом поприще, на что возлагала большие надежды его мать. Но тогдашний министр иностранных дел Пруссии отказал молодому Бисмарку, посоветовав «поискать место в каком-нибудь административном учреждении внутри Германии, а не в сфере европейской дипломатии». Возможно, что на такое решение министра повлияли слухи о бурной студенческой жизни Отто и о его пристрастии к выяснению отношений через дуэль.

Отто Эдуард Леопольд Карл-Вильгельм-Фердинанд фон Бисмарк-Шенхаузен – первый канцлер (с 21 марта 1871 года – 20 марта 1890 г.) Германской империи, осуществивший план объединения Германии по малогерманскому пути и прозванный «железным канцлером»

В итоге Бисмарк поехал работать в Аахен, который совсем недавно вошел в состав Пруссии. В этом курортном городе еще ощущалось влияние Франции, и Бисмарк главным образом занимался проблемами, связанными с присоединением этой пограничной территории к таможенному союзу, в котором доминировала Пруссия. Но работа, по словам самого Бисмарка, «была необременительной», и у него оставалось множество времени на чтение и наслаждение

жизнью. В этот период он чуть не женился на дочери английского приходского священника Изабелле Лорейн-Смит.

Впав в немилость в Ахене, Бисмарк был вынужден поступить на военную службу – весной 1838 года он записался в гвардейский батальон егерей. Однако болезнь матери сократила срок его службы: долгие годы забот о детях и поместье подорвали ее здоровье. Смерть матери поставила точку в метаниях Бисмарка в поисках дела – стало совершенно понятно, что ему придется заниматься управлением своими померанскими поместьями.

Обосновавшись в Померании, Отто фон Бисмарк начал задумываться над способами увеличения доходности своих поместий и вскоре завоевал уважение своих соседей – как теоретическими знаниями, так и практическими успехами. Жизнь в поместье сильно дисциплинировала Бисмарка, особенно если сравнивать со студенческими годами. Он показал себя сметливым и практичным землевладельцем. Но все же студенческие повадки давали о себе знать, и окрестные юнкеры прозвали его «бешеным».

Вскоре Бисмарку впервые выпала возможность войти в политику в качестве депутата вновь образованного Соединенного ландтага прусского королевства. Он решил не терять этот шанс и 11 мая 1847 года занял свое депутатское место, на время отложив собственную свадьбу.

Это было время острейшего противостояния либералов и консервативных про-королевских сил: либералы требовали от прусского короля Фридриха Вильгельма IV утверждения конституции и больших гражданских свобод, но король не торопился их даровать; ему были нужны деньги на строительство железной дороги из Берлина в Восточную Пруссию. Именно с этой целью он и созвал в апреле 1847 года Соединенный ландтаг, состоящий из восьми провинциальных ландтагов.

После первой же своей речи в ландтаге Бисмарк приобрел скандальную известность. В своей речи он постарался опровергнуть утверждение депутата-либерала о конституционном характере войны за освобождение 1813 года. В результате благодаря прессе «бешеный юнкер» из Померании превратился в «бешеного» депутата Берлинского ландтага.

* * *

1848 год принес целую волну революций – во Франции, Италии, Австрии. В Пруссии революция также вспыхнула под давлением патриотически настроенных либералов, которые требовали объединения Германии и создания Конституции. Король был вынужден принять требования. Бисмарк поначалу испугался революции и даже собирался помогать вести армию на Берлин, но вскоре его пыл остыл, и осталось только уныние и разочарование в монархе, который пошел на уступки.

Из-за репутации неисправимого консерватора у Бисмарка не было шансов пройти в новое Прусское национальное собрание, избранное путем всеобщего голосования мужской части населения. Отто боялся за традиционные права юнкеров, но вскоре успокоился и признал, что революция оказалась менее радикальной, чем казалась. Ему ничего не оставалось, кроме как вернуться в свои поместья и писать в новую консервативную газету «Кройццайтунг». В это время происходило постепенное усиление так называемой «камарильи» – блока консервативно настроенных политиков, в который входил и Отто фон Бисмарк.

Логичным итогом усиления камарильи стал контрреволюционный переворот 1848 года, когда король прервал заседание парламента и ввел войска в Берлин. Несмотря на все заслуги Бисмарка в подготовке этого переворота, король отказал ему в министерском посту, заклеив «заядлым реакционером». Король совершенно не был настроен развязывать руки реакционерам: вскоре после переворота он опубликовал Конституцию, которая совмещала принцип монархии с созданием двухпалатного парламента. Монарх также оставлял за собой право

абсолютного вето и право управлять при помощи чрезвычайных указов. Эта Конституция не оправдала чаяния либералов, но Бисмарку все равно казалась слишком прогрессивной.

Однако Бисмарк вынужден был смириться и решил попробовать выдвинуться в нижнюю палату парламента. С большими трудностями Бисмарку удалось пройти оба тура выборов. Свое место депутата он занял 26 февраля 1849 года. Однако негативное отношение Бисмарка к германскому объединению и Франкфуртскому парламенту сильно ударило по его репутации. После роспуска парламента королем Бисмарк практически потерял шансы быть переизбранным. Но ему на этот раз повезло, ибо король изменил избирательную систему, что избавило Бисмарка от необходимости вести предвыборную борьбу. 7 августа Отто фон Бисмарк вновь занял свое депутатское место.

Прошло немного времени, и между Австрией и Пруссией возник серьезный конфликт, который мог перерасти в полномасштабную войну. Оба государства считали себя лидерами германского мира и старались втянуть в орбиту своего влияния мелкие немецкие княжества. На этот раз камнем преткновения стал Эрфурт, и Пруссии пришлось уступить, заключив «Ольмюцкое соглашение». Бисмарк активно поддерживал это соглашение, так как считал, что Пруссия не смогла бы выиграть в этой войне. После некоторых колебаний король назначил Бисмарка представителем Пруссии во франкфуртский Союзный сейм. Вскоре Бисмарк познакомился с известнейшим политическим деятелем Австрии Клементом Меттернихом.

Во время Крымской войны Бисмарк противился попыткам Австрии провести мобилизацию германских армий для войны с Россией. Он стал ярким приверженцем Германского союза и противником австрийского доминирования. В результате Бисмарк стал главным сторонником союза с Россией и Францией (еще совсем недавно воевавшими друг с другом), направленного против Австрии. В первую очередь было необходимо установить контакт с Францией, для чего Бисмарк отбыл в Париж 4 апреля 1857 года, где встретился с императором Наполеоном III, который не произвел на него особого впечатления. Но из-за болезни короля и резкого разворота внешней политики Пруссии планам Бисмарка не суждено было осуществиться, и его отправили послом в Россию.

* * *

По мнению, господствующему в российской историографии, огромное влияние на формирование Бисмарка как дипломата во время пребывания в России оказало его общение с русским вице-канцлером Горчаковым. У Бисмарка уже тогда были необходимые на этом посту дипломатические качества. Он обладал природным умом и политической прозорливостью.

Горчаков прочил Бисмарку великое будущее. Однажды, уже будучи канцлером, он сказал, указывая на Бисмарка: «Посмотрите на этого человека! При Фридрихе Великом он мог бы стать его министром». В России Бисмарк изучил русский язык и изъяснялся очень прилично, а также понял суть свойственного русским образа мысли, что очень помогло ему в дальнейшем в выборе правильной политической линии в отношении России.

Он принимал участие в русской царской забаве – медвежьей охоте, и даже убил двух медведей, но прекратил это занятие, заявив, что непорядочно выступать с ружьем против безоружных животных. В одной из этих охот он так сильно обморозил ноги, что стоял вопрос об ампутации.

В январе 1861 год король Фридрих Вильгельм IV скончался и его место занял бывший регент Вильгельм I, после чего Бисмарка перевели послом в Париж.

Бисмарк последовательно проводил политику по объединению Германии. Словосочетание «железом и кровью» было сказано премьер-министром Пруссии Отто фон Бисмарком 30 сентября 1862 года в речи перед бюджетным комитетом парламента, где среди прочего было сказано:

«Не на либерализм Пруссии взирает Германия, а на ее власть; пусть Бавария, Вюртемберг, Баден будут терпимы к либерализму. Поэтому вам никто не отдаст роль Пруссии; Пруссия должна собрать свои силы и сохранить их до благоприятного момента, который несколько раз уже был упущен. Границы Пруссии в соответствии с Венскими соглашениями не благоприятствуют нормальной жизни государства; не речами и решениями большинства решаются важные вопросы современности – это была крупная ошибка 1848 и 1849 годов – а железом и кровью».

Предыстория такова: регент при потерявшем дееспособность короле Фридрихе Вильгельме IV – принц Вильгельм, тесно связанный с армией, был крайне недоволен существованием ландвера – территориальной армии, сыгравшей решающую роль в борьбе с Наполеоном и сохранявшей либеральные настроения. Более того, относительно независимый от правительства ландвер оказался неэффективным при подавлении революции 1848 года. Поэтому он поддержал военного министра Пруссии Роона в разработке военной реформы, предполагавшей создание регулярной армии с увеличенным до трех лет сроком службы в пехоте и четырех лет в кавалерии. Военные расходы предполагалось увеличить на 25 процентов. Это встретило сопротивление, и король распустил либеральное правительство, заменив его реакционной администрацией. Но бюджет опять не был утвержден.

В 1861 году Вильгельм стал прусским королем Вильгельмом I. Зная позицию Бисмарка как крайнего консерватора, король имел в отношении назначения Бисмарка министром серьезные сомнения. Однако на аудиенции в Бабельсберге 22 сентября 1862 года Бисмарк заверил короля, что будет служить ему так же верно, как вассал своему сюзерену. 23 сентября 1862 король назначил Бисмарка министром-председателем правительства Пруссии, наделив его широкими полномочиями.

* * *

Бисмарк был уверен, что настало подходящее время для соперничества Пруссии и Австрии за доминирование на немецкой земле. Почувствовав опасность, Австрия проявила инициативу в созыве конференции правителей всех немецких государств с целью выработки далеко идущих федеральных реформ под председательством Франца-Иосифа и дальнейшего проведения всеобщих выборов в национальный парламент. Последний приехал на курорт в Гаштайне, где в то время находился Вильгельм, но Бисмарк, не без нервного срыва у каждого участника обсуждения, все же убедил короля Вильгельма отказаться. Собравшиеся без Пруссии по традиции снова во Франкфурте-на-Майне руководители немецких государств пришли к выводу, что объединенная Германия немыслима без участия Пруссии. Надежды Австрии на гегемонию в немецком пространстве рухнули навсегда.

В 1864 году вспыхнула война с Данией по вопросу статуса Шлезвига и Гольштейна, которые были южной частью Дании, но в которых преобладали этнические немцы. Конфликт тлел уже давно, но в 1863 году обострился с новой силой под давлением националистов с обеих сторон. В итоге в начале 1864 года прусские войска заняли Шлезвиг-Гольштейн и вскоре эти герцогства были поделены между Пруссией и Австрией. Однако это не было окончанием конфликта, кризис в отношениях между Австрией и Пруссией постоянно тлел, но не угасал.

В 1866 году стало понятно, что войны не избежать, и обе стороны начали мобилизацию своих военных сил. Пруссия находилась в тесном союзе с Италией, которая давила на Австрию с юго-запада и стремилась занять Венецию. Прусские армии довольно быстро заняли большую часть северных германских земель и были готовы к основной кампании против Австрии. Австрийцы терпели одно поражение за другим и были вынуждены принять мирный договор, навязанный Пруссией. К последней отошли Гессен-Кассель, Нассау, Ганновер, Шлезвиг-Гольштейн и Франкфурт-на-Майне.

Война с Австрией сильно вымотала канцлера и подорвала его здоровье. Бисмарк взял отпуск. Но отдыхать ему пришлось недолго. С начала 1867 года Бисмарк упорно работал над созданием Конституции Северогерманской конфедерации. После некоторых уступок ландтагу Конституция была принята, и Северогерманский союз появился на свет. Две недели спустя Бисмарк стал канцлером.

Подобное усиление Пруссии сильно взволновало правителей Франции и России. И если с Александром II отношения оставались довольно теплыми, то французы были настроены к немцам очень негативно. Страсти подогрел испанский кризис престолонаследия. Одним из претендентов на испанский престол был Леопольд, принадлежавший к бранденбургской династии Гогенцоллернов, и Франция не могла допустить его к важному испанскому престолу. В обеих странах стали править патриотические настроения. К тому же южногерманские земли находились под сильным влиянием Франции, что препятствовало столь желанному объединению Германии. Война не заставила себя долго ждать.

Франко-прусская война 1870–1871 годов была разгромной для французов, особенно сокрушительным было поражение под Седаном. Император Наполеон III был захвачен в плен, а в Париже произошла очередная революция.

Тем временем к Пруссии присоединились Эльзас и Лотарингия, королевства Саксония, Бавария и Вюртемберг – и Бисмарк провозгласил 18 января 1871 года создание Второго рейха, где Вильгельм I принял титул императора (кайзера) Германии. Сам Бисмарк на волне всеобщей популярности получил титул князя и новое поместье.

* * *

Вскоре после создания Второго Рейха Бисмарк убедился в том, что Германия не имеет возможности доминировать в Европе. Ему не удалось реализовать существующую не одну сотню лет идею объединения всех немцев в едином государстве. Этому помешала Австрия, стремившаяся к тому же, но лишь при условии главенствующей роли в этом государстве династии Габсбургов.

Опасаясь французского реванша в будущем, Бисмарк стремился к сближению с Россией. 13 марта 1871 года он подписал вместе с представителями России и других стран Лондонскую конвенцию, отменившую запрет России иметь военный флот в Черном море.

В 1872 году Бисмарк с Горчаковым (с которым у Бисмарка были личные отношения, как у талантливого ученика со своим учителем), организовали в Берлине встречу трех императоров – германского, австрийского и российского. Они пришли к соглашению совместно противостоять революционной опасности. После этого у Бисмарка возник конфликт с послом Германии во Франции Арнимом, который, как и Бисмарк, принадлежал к консервативному крылу, что отдалило канцлера от консервативных юнкеров. Итогом этого противостояния стал арест Арнима под предлогом неправильного обращения с документами.

Бисмарк, учитывая центральное положение Германии в Европе и связанную с этим реальную опасность быть вовлеченной в войну на два фронта, создал формулу, которой следовал в течение всего срока своего правления: «Сильная Германия стремится жить мирно и мирно развиваться». С этой целью она должна иметь сильную армию с тем, чтобы «не быть атакованной кем бы то ни было, кто вынет меч из ножен».

Летом 1875 года Босния и Герцеговина подняли восстание против турецкого владычества. Их поддержали Сербия и Черногория. Турки подавили начатое движение с чрезвычайной жестокостью. Но в 1877 году Россия объявила войну Османской Порте (как тогда говорили, «этому дряхлому человеку Европы») и побудила Румынию поддержать ее. Война закончилась победой, и по условиям заключенного в Сан-Стефано в марте 1878 года мира было создано крупное государство Болгария, вышедшее на побережье Эгейского моря.

Однако под давлением европейских государств Россия была вынуждена пойти на потерю некоторых преимуществ своей победы. 13 июня 1878 года в Берлине начал свою работу конгресс, созванный для рассмотрения итогов русско-турецкой войны. Председателем на конгрессе был Бисмарк, который 13 июля 1878 года подписал Берлинский трактат с представителями великих держав, установивший новые границы в Европе. Тогда многие из перешедших к России территорий были возвращены Турции, Босния и Герцеговина были переданы Австрии, преисполненный благодарности турецкий султан отдал Британии Кипр.

В прессе России после этого началась острая кампания панславистов против Германии. Снова возник кошмар коалиции. Находясь на грани паники, Бисмарк предложил Австрии заключить таможенное соглашение, а когда та отказалась, даже договор о взаимном ненападении. Император Вильгельм I был испуган прекращением прежней про-русской ориентации немецкой внешней политики и предупредил Бисмарка о том, что дело идет к заключению союза между царской Россией и ставшей снова республикой Францией. При этом он указывал на ненадежность Австрии как союзника, которая никак не могла разобраться со своими внутренними проблемами, а также на неопределенность позиции Британии.

Бисмарк пытался оправдать свою линию, указывая на то, что его инициативы предприняты и в интересах России. 7 октября 1879 года он заключил с Австрией «Обоюдный Договор» (Dual Alliance), что толкнуло Россию на союз с Францией.

Это было фатальной ошибкой Бисмарка, разрушившей близкие отношения России и Германии, установившиеся со времен Освободительной войны в Германии. Между Россией и Германией началась жесткая тарифная борьба. С этого времени Генеральные штабы обеих стран стали разрабатывать планы превентивной войны друг против друга.

* * *

В 1879 году ухудшились франко-немецкие отношения и Россия в ультимативной форме потребовала от Германии не начинать новую войну. Это свидетельствовало о потере взаимопонимания с Россией. Бисмарк оказался в очень тяжелой международной ситуации, грозившей изоляцией. Он даже подал в отставку, но кайзер отказался принять ее и отправил канцлера в бессрочный отпуск, продлившийся пять месяцев.

Был срочно заключен 18 июля 1881 года договор, представляющий собой возрождение «Союза трех императоров» – России, Германии и Австро-Венгрии. В соответствии с ним участники обязались соблюдать нейтралитет, если даже один из них начнет войну с любой четвертой державой. Таким образом Бисмарк обеспечил себе нейтралитет России на случай войны с Францией. Со стороны России это было следствием серьезного политического кризиса, вызванного необходимостью прекратить начавшуюся неограниченную охоту за представителями государственной власти, которая нашла поддержку со стороны многих представителей буржуазии и интеллигенции.

В 1885 году началась война между Сербией и Болгарией, чьими союзниками были соответственно Россия и Австрия, Франция стала поставлять оружие России, и Германия оказалась перед угрозой войны на два фронта, что, если бы это произошло, было равносильно поражению. Однако Бисмарку все же удалось 18 июня 1887 года подтвердить договор с Россией, по которому последняя обязалась сохранять нейтралитет в случае франко-германской войны.

Бисмарк продемонстрировал понимание претензий России на Босфор и Дарданеллы в надежде, что это приведет к конфликту с Британией. Сторонники Бисмарка рассматривали этот шаг как новое доказательство дипломатического гения Бисмарка. Однако будущее показало, что это стало лишь временной мерой при попытке избежать надвигающегося международного кризиса.

Бисмарк исходил из своей уверенности, что стабильность в Европе может быть достигнута лишь в том случае, если к «Обоюдному договору» присоединится Англия. В 1889 году он обратился к лорду Солсбери с предложением заключить военный союз, но лорд категорически отказался. Хотя Британия и была заинтересована в урегулировании колониальной проблемы с Германией, но она не хотела связывать себя никакими обязательствами в центральной Европе, где были расположены потенциально враждебные государства Франция и Россия.

Надежды Бисмарка на то, что противоречия между Англией и Россией будут способствовать сближению ее со странами «Обоюдного договора» не подтвердились...

Еще в 1881 году Бисмарк заявил, что «до тех пор, пока он – канцлер, в Германии не будет никакой колониальной политики». Однако, независимо от его воли, в 1884–1885 годах были созданы немецкие колонии в Юго-Западной и Восточной Африке, в Того и Камеруне, Новой Гвинее, на архипелаге Бисмарка, Соломоновых и Маршалловых островах. Немецкий колониализм сблизил Германию с ее вечной соперницей Францией, но создал напряжение в отношениях с Англией.

Во времена Бисмарка в колонии направлялось лишь 0,1 процента экспорта, хотя импорт из колоний в Германию составлял такую же долю. Бисмарк считал, что содержание колоний весьма дорого обходится как в экономическом плане, так и в политическом, поскольку колонии всегда являются источником неожиданных и тяжелых осложнений. Колонии отвлекают ресурсы и силы от решения насущных внутренних проблем.

С другой стороны, колонии были возможными рынками сбыта и источниками сырья для развивающейся быстрыми темпами промышленности. А также позволяли выйти на рынки в Африке, Южной Америке и Океании.

В определенные моменты Бисмарк демонстрировал приверженность к колониальному вопросу, но это было политическим ходом, например, во время выборной кампании 1884 года, когда его обвиняли в отсутствии патриотизма. Кроме того, это делалось для того, чтобы уменьшить шансы принца-наследника Фридриха с его левыми взглядами и далеко идущей проанглийской ориентацией. К тому же Бисмарк понимал, что ключевой проблемой для безопасности страны являются нормальные отношения с Англией. В 1890 году он обменял у Англии Занзибар на остров Гельголанд, ставший намного позже форпостом немецкого флота в мировом океане.

* * *

В начале 1888 года скончался император Вильгельм I, что не предвещало ничего хорошего канцлеру. Новым императором стал смертельно больной раком горла Фридрих III, который к тому времени находился в ужасном физическом и душевном состоянии. Через несколько месяцев он скончался.

15 июня 1888 года трон империи занял молодой Вильгельм II, который не желал находиться в тени влиятельного канцлера. Стареющий Бисмарк подал в отставку, которая была утверждена кайзером 20 марта 1890 года.

75-летний Бисмарк получил почетный титул герцога и звание генерал-полковника кавалерии. Однако совсем от дел он не отошел. «Вы не можете от меня требовать, чтобы после сорока лет, посвященных политике, я вдруг вообще ничего не буду делать». Его избрали депутатом рейхстага, вся Германия отпраздновала его 80-летие, и он принял участие в коронации Всероссийского Императора Николая II.

После отставки Бисмарк решил изложить свои воспоминания и издать мемуары. Бисмарк пытался не только повлиять на формирование своего образа в глазах потомков, но и продолжал вмешиваться в современную ему политику, в частности, предпринимал активные кампании

в прессе. Нападкам Бисмарка чаще всего подвергался его преемник – Каприви. Косвенно он подвергал критике и императора, которому не мог простить свою отставку.

Отто фон Бисмарк. Фото 1890 г.

Кампания в прессе была успешной. Общественное мнение склонилось в пользу Бисмарка, особенно после того, как Вильгельм II стал открыто его атаковать. Авторитет нового рейхсканцлера Каприви особенно сильно пострадал тогда, когда он попытался помешать встрече Бисмарка с австрийским императором Францем Иосифом. Путешествие в Вену превратилось в триумф Бисмарка, который заявил, что не имеет никаких обязанностей перед немецкими властями: «все мосты сожжены».

Вильгельм II был вынужден пойти на примирение. Несколько встреч с Бисмарком в 1894 году прошли хорошо, но не привели к настоящей разрядке в отношениях.

Смерть жены в 1894 года стала сильным ударом для Бисмарка. В 1898 году здоровье экс-канцлера резко ухудшилось, и 30 июля он скончался на 84-м году жизни.

Начало моей службы. Дело о приверженцах противоестественных пороков. Бракоразводные процессы. Чиновники и население

Школьное воспитание было поставлено у нас так, что после окончания школы, если я и не был республиканцем, то все же был убежден, что республика есть самая разумная форма государственного устройства; к этому присоединялись размышления о причинах, заставляющих миллионы людей длительно повиноваться *одному*, между тем как от взрослых мне приходилось слышать резкую и непочтительную критику правителей.

В то же время немецкое национальное чувство было во мне так сильно, что в первое время моего пребывания в университете я примкнул к студенческой корпорации, которая провозглашала своей целью заботу о развитии этого чувства. Однако при личном знакомстве с членами корпорации мне не понравилось их стремление избегать дуэлей и отсутствие у них внешней благовоспитанности и манер, принятых в обществе. Когда я узнал их еще ближе, то не мог одобрить и их экстравагантных политических взглядов; у меня сложилось впечатление, что утопизм сочетался у них с недостатком воспитанности.

В глубине души я тем не менее сохранял свои национальные чувства и веру в то, что развитие в близком будущем приведет нас к германскому единству; с моим другом, американцем Коффином я заключил пари, что эта цель будет достигнута не позже чем через двадцать лет. То, что я думал о внешней политике, было в духе освободительных войн, воспринятых под углом зрения прусского офицера.

В период, предшествовавший 1848 году, без связей в министерских и высших ведомственных кругах почти невозможно было рассчитывать на какое бы то ни было участие в прусской политике. Молодому чиновнику нужно было сначала пройти однообразный, измеряемый десятилетиями путь по ступеням бюрократической лестницы, пока, наконец, высшие инстанции могли обратить на него внимание и приблизить его к себе. Я же, насколько в моем возрасте вообще мог серьезно думать о служебной карьере, имел в виду дипломатическую деятельность. Для этого мне надо было выдержать прежде всего экзамен на правительственного асессора, а затем уже окольным путем, поработав в Таможенном союзе, искать доступа в дипломатию Пруссии.

Лица и порядки нашей юстиции, где началась моя деятельность, давали моему юношескому уму скорее критический, нежели назидательный материал. Практическое обучение начиналось с ведения протоколов уголовного суда. Советник фон-Браухич, к которому я был прикомандирован, поручал мне необычно много этой работы, так как я писал тогда исключительно быстро и четко.

Из «расследований», как назывались уголовные дела при тогдашнем порядке судопроизводства, на меня произвел особенно сильное впечатление процесс широко разветвленного в то время в Берлине общества приверженцев противоестественных пороков. Общество это имело сторонников и в высших кругах. Судебные акты, касавшиеся этого дела, были затребованы министерством юстиции, как говорили, по настоянию князя Витгенштейна и не были возвращены по крайней мере до тех пор, пока продолжалась моя деятельность в уголовном суде.

* * *

Проработав четыре месяца над составлением протоколов, я был переведен в городской суд, разбиравший гражданские дела, и сразу же оказался вынужденным перейти от механиче-

ского писания под диктовку к самостоятельной работе, выполнение которой затруднялось моей неопытностью и моими чувствами. Бракоразводные дела были вообще в то время первой стадией самостоятельной работы юриста-новичка. Дела этим придавалось, очевидно, наименьшее значение. Они были поручены самому неспособному советнику по фамилии Преториус и велись при нем совсем зелеными юнцами, которые производили, таким образом, *In согроге vilii* [на второстепенном материале] свои первые эксперименты в роли судей, правда, под номинальной ответственностью господина Преториуса, но обычно в его отсутствие. Для характеристики этого господина нам, молодым людям, рассказывали, что, когда его во время заседаний приходилось выводить из состояния легкой дремоты для подачи голоса, он имел обыкновение говорить: «Я присоединяюсь к мнению моего коллеги Темпельгофа»; иной раз при этом ему надо было указывать, что господин Темпельгоф на заседании не присутствует.

Однажды мне пришлось обратиться к нему, так как я оказался в затруднительном положении: мне, в мои двадцать лет и несколько месяцев, предстояло сделать попытку к примирению возбужденной супружеской четы. Задача эта представлялась моему восприятию в своего рода церковном и нравственном ореоле, которому, как мне казалось, не вполне соответствовало мое душевное состояние. Я застал Преториуса в дурном настроении не вовремя разбуженного пожилого человека, разделявшего к тому же довольно распространенное среди старых бюрократов нерасположение к молодым дворянам.

«Досадно, – сказал он мне с пренебрежительной усмешкой, – когда человек до такой степени беспомощен. Я покажу вам, как это делается».

Я вернулся с ним в комнату присутствия. Дело сводилось к тому, что муж хотел развода, а жена – нет, муж обвинял ее в нарушении супружеской верности, а она, заливаясь слезами, патетически клялась в своей невинности и, невзирая на дурное обращение мужа, настаивала на том, чтобы остаться при нем.

Шепелявя, как это было ему свойственно, Преториус обратился к жене со словами: «Не будь душой. Зачем тебе это? Придешь домой – муж избьет тебя так, что тебе не поздоровится. А скажи ты просто «да», и с пьяницей у тебя раз и навсегда покончено». – «Я честная женщина, не могу взять на себя позор, не хочу развода», – завопила женщина.

После неоднократного обмена репликами в том же тоне господин Преториус обратился ко мне со словами: «Она не хочет внять голосу благоразумия; пишите...», – и продиктовал мне заключение; оно произвело на меня столь сильное впечатление, что я и сейчас помню его от слова до слова: «После того как была сделана попытка к примирению сторон и все убеждения, основанные на доводах нравственности и религии, остались безуспешными, было решено, как ниже следует».

Мой начальник поднялся со словами: «Запомните, как это делается, и впредь не беспокойте меня подобными вещами». Я проводил его до дверей и продолжал разбирательство.

Мой стаж по бракоразводным делам продолжался, сколько помнится, от четырех до шести недель, но мне уже не приходилось больше мирить стороны.

* * *

Более привлекательной была следующая стадия разбирательства мелких дел. Молодой, неопытный юрист приобретал здесь по крайней мере навык в приеме жалоб и опросе свидетелей, хотя в общем его больше использовали как подсобного работника и меньше занимались его обучением.

Помещение суда и судебное производство несколько напоминали суетливую обстановку у железнодорожной кассы. Пространство, где, спиной к публике, заседали председательствующий советник и три или четыре помощника, было обнесено деревянным барьером, и перед

образовавшимся таким образом четырехугольником толпились стороны, сменяя друг друга и производя то больший, то меньший шум.

Мое общее впечатление от лиц и учреждений не изменилось существенным образом с моим переходом в административное ведомство. Стремясь сократить окольный путь к дипломатической карьере, я избрал одно из рейнских управлений, а именно, аахенское; курс работы в этом управлении мог быть сокращен до двух лет, тогда как в старых прусских провинциях на это требовалось не менее трех лет.

Личный состав управления не всегда отвечал тому несколько необоснованному идеалу, который витал передо мной, когда мне было 21 год; еще менее соответствовало ему содержание текущей работы. Мне вспоминается, что при частых разногласиях между чиновниками и населением или среди каждой из этих сторон – разногласиях, полемика вокруг которых длилась годами и нагромождала груды дел – я обычно оставался под впечатлением: «да, пожалуй, можно сделать и так»; вопросы, то или иное решение которых не стоило затраченной на них бумаги, вполне могли быть разрешены одним префектом при затрате вчетверо меньшего количества труда. Если не считать низшего служебного персонала, то при всем том работа, которую в течение дня должен был выполнить чиновник, была невелика, должности же начальников отделений были чистой синекурой.

Уезжая из Аахена, я составил себе невысокое мнение о нашей бюрократии в общем и об отдельных ее представителях в частности. Переменив впоследствии государственную службу на жизнь в деревне, я в своих взаимоотношениях помещика с властями сохранил, как мне теперь представляется, очень уж отрицательное мнение о достоинствах нашей бюрократии и, пожалуй, чрезмерную склонность критиковать ее.

Склонность к нелепому вмешательству в самые разнообразные стороны жизни проявлялась при тогдашнем патриархальном режиме, быть может, сильнее, чем в наше время; но те, кто осуществлял это вмешательство, были не столь многочисленны и стояли по уровню своего образования и воспитания выше части своих теперешних преемников.

Чиновники достославного королевского правительства были честными, образованными и благовоспитанными чиновниками. Но их благожелательная деятельность не всегда встречала признание, так как сопровождалась недостаточным знакомством с местными условиями и разменивалась на мелочи, относительно которых взгляды ученого горожанина за канцелярским столом не всегда выдерживали критику простого человеческого здравого смысла крестьянина. Членам административных коллегий приходилось тогда делать *multa*, а не *multum* [много, но незначительное]. Отсутствие более высоких задач приводило к тому, что они не находили себе достаточного количества действительно нужной работы и в своем должностном рвении выходили далеко за пределы потребностей управляемых, впадая в манию регламентирования, в то, что швейцарцы называют «Befehlerle» [«повелительство»].

Если бросить для сравнения беглый взгляд в сторону современности, то придется отметить: в свое время надеялись, что после введения действующей ныне системы местного самоуправления государственные учреждения будут избавлены от излишка дел и чиновников. На самом деле получилось нечто прямо противоположное этому: количество чиновников и их загруженность делами значительно возросли в связи с увеличением переписки и возникновением трений между административными инстанциями и органами самоуправления, начиная от провинциального совета и кончая сельским общинным управлением.

Рано или поздно наступит критический момент, когда мы окажемся раздавленными под бременем писанины, а главное – низшей бюрократии.

* * *

Природе человека присуще свойство, в силу которого он, соприкасаясь с теми или другими порядками, склонен чувствовать и видеть прежде всего шипы, а не розы. Эти шипы вызывают раздражение против того, что в данное время существует. Старые правительственные чиновники, вступая в непосредственное соприкосновение с управляемым населением, проявляли педантизм и отчужденность от практической жизни благодаря своим занятиям за зеленым сукном. Но вместе с тем оставалось впечатление, что они искренно и добросовестно стремились быть справедливыми.

Этого нельзя сказать об отдельных звеньях современного местного самоуправления в тех частях страны, где партии резко противостоят друг другу; благосклонность к политическим единомышленникам и предубежденное отношение к противникам нередко препятствуют беспристрастной работе учреждений.

Сопоставляя на основании моего опыта, относящегося к тому времени и более позднему периоду, судебные решения с административными с точки зрения их беспристрастия, я не могу признать превосходство исключительно лишь за первыми, по крайней мере – не во всех случаях. У меня, наоборот, создалось впечатление, что судьи низших и местных инстанций легче и полнее поддаются сильному воздействию партийных течений, чем чиновники администрации; да и едва ли можно найти какое-либо психологическое основание к тому, чтобы при одинаковом образовании судей и чиновников последние а priori [заранее] должны были считаться менее справедливыми и добросовестными в своих должностных решениях, чем первые.

Но я согласен, что административные постановления отнюдь не выигрывают ни в смысле честности, ни в смысле своего соответствия существу дела от того, что они принимаются коллегиально; независимо от того, что при решении вопроса большинством голосов арифметика и случай заступают место логического обоснования; чувство личной ответственности – эта существенная гарантия добросовестности решения – утрачивается сразу же, когда что-либо решает анонимное большинство.

На поприще дипломатии. Крымская война. Союз с Австрией. План раздела России. «Завещание Петра Великого»

Ход дел в обеих коллегиях, как в Потсдаме, так и в Аахене, не мог возбудить во мне особого рвения. Я находил порученный мне круг занятий мелочным и скучным; воспоминания о моей работе по процессам о невзносе пошлин с помола и в связи с повинностью по постройке плотины в Роцисе, близ Вустергаузена, не вызывали во мне впоследствии желания возвратиться к моей тогдашней деятельности.

Отказавшись от честолюбивой мечты о чиновничьей карьере, я охотно последовал желанию моих родителей и занялся запутанными делами управления нашими померанскими имениями. Я рассчитывал жить и умереть в деревне, преуспев на поприще сельского хозяйства и, быть может, отличившись на войне, если бы она разразилась.

В течение ряда лет я занимался обустройством померанских имений, представляя в то же время интересы наших землевладельцев. Несколько раз я бывал в Берлине, выступая в ландстаге, особенно в период бурных событий 1848 года. Мои выступления были замечены в высших кругах власти, я имел беседы с королем и его министрами. Когда прусское правительство решилось послать своего представителя в Союзный сейм, посланником при сейме был временно назначен генерал Рохов, продолжавший оставаться в то же время аккредитованным в Петербурге. Одновременно в штат миссии были зачислены два советника: я и господин фон-Грунер. Перед моим назначением советником миссии его величество и министр фон-Мантейфель дали мне понять, что в ближайшем времени предполагается назначить меня посланником при сейме. Рохов должен был ввести меня в дела и подучить, но он неспособен был работать по деловому, меня же использовал как редактора и не держал *au fait* [в курсе] политических дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.